

Н.В. Ланге

Смоленский государственный медицинский университет

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА В ТРИЛОГИИ Д.И. РУБИНОЙ «НАПОЛЕОНОВ ОБОЗ»

В исследовании рассматривается вопрос об определении термина «антропонимическое пространство». Предлагается выделить в трилогии Д.И. Рубиной «Наполеонов обоз» 5 типов пространств, каждое из которых имеет особенности структуры и типа используемых на этом пространстве антропонимов. При этом антропонимы могут характеризовать отношение героев к данному месту, принадлежность к деревенскому пространству, оригинальность локуса, многонациональность и культурную специфику. Использование некоторых имен может указывать и на оригинальность главных героев, умеющих давать точную характеристику человека с помощью имени. Главные герои, перемещаясь из пространства в пространство, меняют имена, что показывает их взросление, изменение социального статуса, а также изменение мечтаний и стремлений. Оригинальность имен, их способность отражать внешность героя, качества характера, влиять на судьбу говорит о том, что произведения Д.И. Рубиной можно считать ономастическим текстом.

Д.И. Рубина, антропонимическое пространство, антропоним, ономастика, ономастический текст.

Понятие «антропонимическое пространство» активно используется в современных ономастических исследованиях. При этом данный термин, судя по контексту работ (определение не представлено ни в одном из встретившихся нам исследований), синонимичен либо понятию «антропонимическое поле» («часть ономастического пространства, содержащая онимы определенного вида») [2, с. 103], либо «антропонимии» («совокупность антропонимов» (Там же, с. 36)). Но нам представляется, что в тексте художественного произведения термин антропонимическое пространство может использоваться, когда на определенной (созданной фантазией автора или реальной) территории функционируют сходные антропонимические явления. Таких территорий может быть в произведении несколько.

В трилогии Дины Ильиничны Рубиной «Наполеонов обоз» можно выделить несколько антропонимических пространств: 1) деревенское антропонимическое пространство (город Вязники, станция Нововязники, деревня Серединки, Боровск, деревня Южа, деревня Блонь); 2) город Гороховец; 3) Москва культурная; 4) Санкт-Петербург; 5) Израиль – тюрьма «Маханэ Нимрод». В данной статье проанализируем антропонимические особенности каждого антропонимического пространства.

1. Деревенское антропонимическое пространство представлено несколькими географическими объектами, существующими в романе в различные периоды жизни героев. Так, город Вязники и прилегающая к нему станция Нововязники – места, где проходит детство главных героев: Аристарха и Надежды. Аристарх с удовольствием ездит в город Южу, где живет его родня по материнской линии. Надежду часто на лето отправляют в деревню Блонь Пуховичского района Минской области. Деревня Серединки – место, где живет Надежда в последние годы своей жизни, пото-

му что здесь успокаивается ее душа, и эти Серединки напоминают ей безоблачное детство и юность, проведенные в Вязниках. Деревня Серединки находится рядом с городом Боровском, куда Надежда ездит за продуктами или в антикварную лавку Бори-Канделябра. Эти географические объекты можно объединить в одно антропонимическое пространство деревни.

Герои этого пространства стремятся паспортное имя, если оно не дает точную характеристику человека, заменить прозвищем. Так, в Вязниках и Нововязниках руководителя школьного оркестра Веру Самойловну Бадаат именуют *Баобабом* (из-за созвучия фамилии и названия дерева, а также стойкости характера) [3, с. 246], директор школы, где учится Сташек, Валентин Иванович Шеремякин – загадочный *Чижик*, потому что до старости у него оставался на голове мальчишеский непокорный вихор (Там же, с. 337), сосед Петренко-старший, в сорок шестом отправивший из Германии целый вагон трофея, – *Трофей Иванович* (Там же, с. 270), безумная старуха, которая дни и ночи вязала под деревом чулок, – *Розадраный-чулок* (Там же, с. 303). Саму Надежду Аристарх наделяет прозвищем *Дылда*, *Дылда Петровна Прохорова*. Прозвище *Дылда* имеет традиционную мотивацию (дылда (прост.) – высокий нескладный человек [1, с. 164]: «Сташек был ошеломлен, подавлен и даже обижен – ее ростом. <...> это ж надо – <...> росту чуть не метр семьдесят, во *дылда!*» (Там же, с. 381).

Много прозвищ имеют и жители деревни Серединки Боровского района и города Боровск. Так, уже упомянутый нами выше антикварщик, держащий в Боровске антикварный магазин, – *Боря-Канделябр* (Там же, с. 122). Вероятно, витиеватым устаревшим словом кажется деревенским жителям «канделябр». Похож на этот канделябр Борис Иваныч, «универси-

тетский человек», «в запыленных штанах немецкого военнопленного сороковых годов и в старушечьей вязаной фуфайке» [3, с. 102]. Собачий заводчик Витька – *Неоновый мальчик*, «потому что на своих собак светящиеся ошейники нацепил и гоняет их в хвост и в гриву» (Там же, с. 88). Даже коза у Витьки становится «неоновой» (Там же). Роман Григорьевич Кротый – деревенский бизнесмен – за глаза именуется *Щёлочью*, потому что самый жадный. Так, Изюм рассказывает про него, объясняя мотивацию прозвища: «Зойка, ихняя штатная повараха, тупо пережаривает мясо <...>. А *Щёлочь*, ему что: хапнет кусок, пошевелит усищами, <...>, кусок-то – хоба! – и провалится» (Там же, с. 77).

И в Вязниках, и в Серединках, и в деревне Блонь в качестве номинации функционируют отчества. Пять инвалидов войны, потерявшие в Великую Отечественную кто руку, кто ногу, живущие в подвале на станции Нововязники, именуется *Петровичами* по своему главарю (главному Петровичу). *Петровной* называет Изюм в Серединках по деревенской традиции и саму Надежду, *Егорыч* – их сосед. Даже собаку – золотистого лабрадора – Надежда называет *Лукич*, омонимичное патрониму Лукич. С одной стороны, происхождение зоонима объясняется в романе тем, что щенок уснул в пакете с луком, но с другой – указывает на простоту характера собаки, гармоничности с деревенской обстановкой (Лукич – «рубах-парень»). Еще в деревне Блонь бабушку Надежды называли *Якальной* (настоящее имя ее Мария Яковлевна). И эта *Якальна* – практичная, экономная, подозрительная – становится как бы частью характера Надежды, которая часто «включает *Якальну*», когда ей необходимо принять важное решение.

В деревенском пространстве бытуют и оригинальные имена, которые не нужно «переделять» в прозвища. Так, «старорежимное» имя *Аристарх* выделяет этого персонажа среди других героев. Надежда называет его только так, и именно это имя рвет ей душу, когда герои расстаются: Изюм «все крутил и крутил сцену у Надежды, без конца вспоминая, как произнесла она это имя: “*Аристарх*”, – тяжелое, как артиллерийский снаряд. Произнесла обреченно, безнадежно... нет: безутешно» (Там же, с. 242). На станции Нововязники есть и цыганский район. Аристарх дружит с цыганом *Цагаром*, который оказывает влияние на судьбу Аристарха, спасая его из беды: «Звали его как-то странно: *Цагар*. Хотя чего уж там: не человеку с именем Аристарх пожимать плечами, слышав чье-то непривычное имя. *Цагар* так *Цагар*, имя цыганское, наверняка означает что-то там... высокопарное» [4, с. 18]. Встречаются и другие оригинальные цыганские имена: *Папуша*, *Лачо*. Оригинальным является «щукатно-кондитерское» имя в антропонимическом пространстве деревни *Изюма Алмазовича Давлетова* («мягко и искренне отозвался человек со столь странным в этих декорациях именем, что захотелось узнать заодно и отчество его, и фамилию» [3, с. 133]. Д.И. Рубина с юмором описывает историю его имянаречения: мать родила *Изюма* от красавца-татарина и собиралась назвать Измаилом, но «легкомысленная фифа, сидевшая на регистрации имен» в ЗАГСе «левой рукой таскала изюм из банки» и перепутала

[3, с. 122]. Изюма называют *Изей* в деревне, но близкие люди (Надежда, например) – только *Изюмом*, оценив по заслугам и его предприимчивость, и доброту, и оригинальность. Сестру Изюма зовут *Серенадой*, что, конечно, оригинально и не только для деревни: «Сеструху мать родила от командировочного литовца и назвала ее – держитесь за стулья – *Серенадой*» (Там же, с. 28). Литовец бросил мать на сносях, и мать «подтирая слезы и сопли <...> услышала по включенному радио красивую музыку» (Там же). То была «Серенада» Шуберта. Так нашлось и имя для дочки: «Подаренное радиоточкой раскатистое имя так шло младенцу, ее льяным кудряшкам, аккуратному личику и всей этой романтической мути» (Там же, с. 29). Не только паспортное имя, но и фамилия могут быть так оригинальны, что используются в качестве прозвищ. Так, сосед Надежды и Изюма – Сергей *Лобзай*. К нему так и обращаются: «*Лобзай!*» Д.И. Рубина комментирует ассоциации, связанные с этим именем и приводящие к юмористическому эффекту, так: «Немедленно в моей памяти всплывает восьмимартовский концерт в школе, на котором учительница музыки исполняла известный романс “О, не лобзай меня!” с ударением на “о” <...>, и пацаны наши подышали со смеху: на уроках труда лобзик был любимым инструментом» (Там же, с. 85).

В деревенском антропонимическом пространстве часто используются демунивативные и уменьшительно-ласкательные формы имен: главных героев родители и ближайшее окружение часто называют *Сташек* и *Надюша*, *Надюшка*. Друг Аристарха, научивший его читать и драться, – *Володя* (с «чудной фамилией» Пу-И), бабушка по материнской линии из Южи («тоже забавный, домашний городок») – *баба Валя*, сестра матери – *тетя Наташа*. Мама Сташека, приезжая в Южу, тоже из *Софии Яковлевны* превращалась в *Сонечку* (Там же, с. 396). И у Нади так же – в деревне Блонь: *баба Устя*, *бабушка Маня*.

Имена, функционировавшие в деревенском пространстве детства, оказывают влияние на дальнейшую жизнь героев. Так, имя деда *Алексея* из деревни Блонь («Дед был доброты какой-то необъятной, неисчерпаемой, всех мирил, все улаживал, всех стреножил справедливым словом» (Там же, с. 117)) Надежда вспоминает, когда у нее появляется приемный сын, и называет его так же. Детское прозвище *Дылда* становится особым сакральным именем, и уже много лет спустя Надежда и Аристарх, разлученные обстоятельствами, вспоминают это прозвище как символ потерянной любви: «...каждый миг его жизни был пронзан рыжим солнцем некой девочки, которую насмешливо и ревниво он звал *Дылдой*» (Там же, с. 379).

2. Город Гороховец – тоже деревня, где живут родственники отца Сташека и куда он часто приезжает с отцом. Это место, чуждое Сташеку; антропонимы, здесь употребляемые, совсем не похожи на те, которые используются в родных Нововязниках, Блони и Юже. Бабушку и дедушку Сташек называет по имени-отчеству: *Настасья Васильевна* и *Назар Васильевич*. И это указывает на дистанцию между героями. Тетю и дядю – только полными именами: *Виктор* и *Людмила*. Их сын, который окажет роковое влияние на судьбу Аристарха, присвоив себе его имя для по-

лучения наследства, называется или полным именем или с использованием уменьшительно-уничижительного суффикса -к- – *Павел* или *Паука*.

3. Антропонимы Москвы культурной – это имена культурной богемы столицы. Надежда – руководитель отдела современной и русской литературы крупнейшего издательства и часто встречается с известными творческими личностями. Все писатели – люди оригинальные – носят и оригинальные имена. При этом эти имена часто используются в трехчленной форме: писатели *Михаил Мансурович Калинин*, *Калерия Михайловна Чесменова*. Коллекционер, живущий в Москве и сотрудничающий с Борей-Канделябром, – *Яков Аронвич Барский*. Директор издательства – *Сергей Робертович* (с ударением именно на втором слове). Интересное редкое имя и у коммерческого директора газеты «Московская правда» – *Марьян Феоклитович*: «Вы мне подходите, – сразу отозвалась она <Надежда>. – Вас так и зовут: *Марьян... Феоклитович*? Или это розыгрыш? – Да нет, не розыгрыш, – усмехнулся он. – Отчество можно похерить, я своего папню в глаза не видал, а жена и друзья зовут меня *Марьяша*, приглашаю в этот престижный клуб» [5, с. 169]. Загадочное имя носит и московский ресторатор – *Дон Шапиро*. Подчеркивая оригинальность этих людей, Надежда использует по отношению к ним и сокращенные формы: *милашка Калинин*, *Мансурыч*, *МихМан*, *К.М.* (Калерия Михайловна). Вышеназванные имена – паспортные, но иногда употребляются и псевдонимы. Так, латыш Мартинас, однокурсник Надежды, публикует эротические романы под псевдонимом *Светлана Безыкусная*. И редко, когда имя писателя – обыкновенное: «Батюшки, а ведь мы забыли его назвать! – вот как вьелась-то в нас атмосфера таинственности, окружающая его имя, пока еще вполне произносимое и вполне обыкновенное: *Георгий Анатольевич Крамсков*» (Там же, с. 127). Это имя не может использоваться по отношению к загадочному писателю, способному исчезать бесследно, поэтому Надежда с иронией называет его *Великим* и *Кормильцем*: «...кто-то выдвигал оккультные, а то и фантастические предположения, связанные с внеземными контактами *Великого*» (Там же, с. 128), «в стародавние времена, когда *Великий* был просто популярным автором...» (Там же), «но *Великий* ничего не забыл...» (Там же, с. 129), «*Кормильцу* любой поклонится» (Там же, с. 132). У *Великого* есть и свой литературный агент, которого за глаза зовут *Рудиком*, а глаза величают *Рудольфом Вениаминовичем*, даже Сергей Робертович, «не слишком озадаченный отчествами кого и угодно, хоть и президента страны, при встречах и переговорах все же выдавливал из себя кое-какое “*рудамнамич*”» (Там же, с. 132). Поскольку Рудик не отличается благородством, Надежда придумывает ему различные имена и называет его за спиной: *Адольф Скарлатинович*, *Вервольф Скорпионович*, *Гундольф Пластилинович*, *Филадельф Палестинович*, *Гандон Вазелинович*. Эти имена говорят об оригинальности фантазии Надежды, о ее творческом потенциале.

В этом антропонимическом пространстве и сама Надежда часто именуется полным именем *Надежда Петровна* или *Надежда Петровна Авдеева* («Отчест-

во теперь всегда пришила к себе для уважения, как фронтовик – орденскую планку на пиджак» [5, с. 173])

4. Санкт-Петербург – антропонимическое пространство, в котором оказывается Аристарх, учась в Первом Медицинском. Многие имена типичны для еврейской национальности (*Гораций – Горик Гинзбург*, *Лёва Квинт*), что не удивительно: Аристарх узнает о своем еврейском происхождении, о том, что его мама на самом деле *Софья Граевская*, а не *Софья Устинова*. Он ищет свою прабабушку *Дору Ефимовну Граевскую*, но она уже умерла. Поскольку многие из теперешнего окружения *Стаха* (здесь его, повзрослевшего, называют так) – люди, отбывшие наказания по политической статье в 30–50-е годы, их имена можно считать криптонимами. Так, *Моисей Гинзбург* – троюродный брат прабабушки Аристарха, а по совместительству ее последний муж, но, чтобы вернуться к обычной жизни, он вынужден носить имя-криптоним: *Муса Алиевич Бакшеев* (благодаря попавшим к нему документам умершего ээка). Однако именно Аристарху он, чувствуя в нем родственную душу, позволяет называть его *Зови-меня-Гинзбург* [4, с. 261]. Интересное имя носила также его первая жена – *Бетти*, *богиня пиццблока номер два*. Это имя становится тоже особым кодом, потому что *кузину Бетти*, *богиню пиццблока номер два* много раз упоминала в своих рассказах Вера Самойловна Бадаат. Так, Аристарх узнает о своих родственных связях с Верой Самойловной. В антропонимическом пространстве Петербурга (интересно, что Дина Ильинична Рубина использует именно это название города, хотя речь идет о советских временах примерно конца 80-х годов, когда Петербург носил название Ленинград) тоже используются имена-отчества для именованья героев, но не с целью дистанцирования, как в Гороховце, а чтобы показать значимость, силу характера героев: «Загадочным образом уголовники Дору уважали. Свинец, старейший петербургский медвежатник, именовал ее по имени-отчеству и говорил: “*Дора Ефимовна – человек с большой буквы!*”» (Там же, с. 267).

5. Израиль, тюрьма «Маханэ Нимрод» – особое многонациональное антропонимическое пространство. Национальность героев часто определяет их имена. Имя начмеда – непосредственного начальника Аристарха (здесь он превращается в *Ари* и в *доктора Бугрова*) – *Михаэль Безбога*. *Безбога* – украинская фамилия. Дедушка Михаэля бежал в Палестину от украинских погромов. Аристарху эта фамилия кажется странной, он советует ее поменять: «А ты поменяй фамилию, – посоветовал Аристарх <...> – Заделайся каким-нибудь... ну, не знаю: Михаэлем Набожным, к примеру [5, с. 73]. Еще один украинец-еврей – *Боря Трусков*, фельдшер. Он утверждал, что «его фамилия прежде звучала как *Этрусков*... во всеулышание провозглашал себя “этрусским евреем”, нисколько не смущаясь тем, что, судя по всему, является последним сохранившимся экземпляром данной этнической группы» (Там же, с. 97). Причем Аристарх наделяет его прозвищем *Этруск*: «Отвали, *Этруск*. Очисти сцену. Влез не ко времени» (Там же, с. 115). Второй фельдшер – *Адам* – друг. Еще есть *Арон* – гру-

зин. Все врачи и фельдшеры здесь называются исключительно по именам, несмотря на их советское происхождение, что свойственно израильской действительности. Здесь встречаются и женские имена. Так, *Аида Мусаева* – врач из Баку, сотрудник Красного Креста. Кроме многонациональной медицинской братии, представлены и имена заключенных. Причем часто заключенные имеют «говорящие» имена и фамилии, что замечает наблюдательный Аристарх. Так, на прием к тюремному доктору *Ари Бугрову* попадает заключенный *Сивец*: «Занятная была фамилия у заключенного: *Сивец*, а он и правда весь сивый: сивые патлы, сивые глаза в красных прожилках» [5, с. 110]. Заключенные могут иметь и тюремные клички: например, старый грузинский еврей *Доллар* (Там же, с. 120).

Таким образом, в трилогии Дины Ильиничны Рубиной «Наполеонов обоз» можно выделить несколько антропонимических пространств, каждое из которых имеет особенности по структуре используемых на этом пространстве антропонимов. При этом антропонимы могут характеризовать отношение героев к данному месту, принадлежность к деревенскому пространству, оригинальность локуса, многонациональность и культурную специфику. Использование некоторых имен может указывать и на оригинальность главных героев, умеющих давать точную, мет-

кую характеристику человеку с помощью имени. Главные герои, перемещаясь из пространства в пространство, меняют имена. Так, *Сташек* превращается в *Стаха*, *Ари* и доктора *Бугрова*; *Надежда* из *Наденьки*, *Надюшки* *Прохоровой*, *Дылды* превращается в *Надежду Петровну Авдееву* и в *Петровну*, что показывает взросление героев, изменение их социального статуса, а также изменение их мечтаний и стремлений.

Оригинальность имен, их способность отражать внешность героя, качества характера, влиять на судьбу говорит о том, что произведения Д.И. Рубиной можно считать ономастическим текстом и продолжать изучать их ономастическую составляющую.

Источники

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Русский язык, 1981. – 816 с.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Москва : Наука, 1978. – 199 с.
3. Рубина, Д. И. Наполеонов обоз. Книга 1. Рябиновый клин / Д. И. Рубина. – Москва : Эксмо, 2018. – 448 с.
4. Рубина, Д. И. Наполеонов обоз. Книга 2. Белые лошади / Д. И. Рубина. – Москва : Эксмо, 2019. – 480 с.
5. Рубина, Д. И. Наполеонов обоз. Книга 3. Ангельский рожок / Д. И. Рубина. – Москва : Эксмо, 2020. – 480 с.

N.V. Lange

ANTHROPONYMIC SPACES IN D. I. RUBINA'S TRILOGY «NAPOLEON'S CART»

The study considers the definition of the term «anthroponymic space». It is proposed to distinguish 5 types of space in the trilogy by D.I. Rubina «Napoleon's Cart». Each of them has a peculiar structure and contains specific anthroponyms. The anthroponyms can characterize the characters' attitudes to a certain place, belonging to a village space, the originality of the locus, multinational and cultural specifics. The use of some proper names may also indicate the originality of the main characters. The proper names help provide an accurate description of a personality. The main characters, moving from space to space, change their names, which show their growing up, changes in their social status, as well as changes in dreams and aspirations. The originality of the names, their ability to reflect the appearance and personality of the hero, their influence on the hero's fate suggests that the works by D.I. Rubina can be considered to be onomastic text.

D.I. Rubina, anthroponymic space, anthroponym, onomastics, onomastic text.